

Рец. на: В.В. Пенской. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 255 с.

Konstantin Erusalimskiy

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: V.V. Penskoj. Očerki istorii Livonskoj voyny: Ot Narvy do Fellina. 1558–1561 gg. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001578-6

Войны, в результате которых прекратил существование как политическое единство Ливонский орден, в последнее время в науке всё чаще называют отдельными «Ливонскими войнами», прерывая традицию, закреплённую в книге В.Д. Корольюка. В.В. Пенской развивает концепцию А.И. Филюшкина и предлагает расширить и само понятие «Ливонской войны» до «войн», и их продолжительность с общепринятых в российской науке 1558–1583 гг. до 1555–1595 гг. Исходной точкой в череде эпизодов предложено считать польско-ливонский конфликт 1555–1557 гг., войну коадьюторов и российско-шведские столкновения 1555–1557 гг., а конечной фазой – российско-шведскую войну 1590–1595 гг. и закончивший её Тявзинский мир. Речь идёт о войнах за секуляризованное Орденское государство, за «ливонское наследство».

Концепцию Пенского отличает взвешенный взгляд на реалии восточноевропейской политики, которые привели к полномасштабному вхождению России в «горячую фазу» войны за Ливонию и падению Ордена в 1561 г. Досадная, но уже привычная ошибка, – на обложке верхняя дата ограничена 1560 г., тогда как на титульном листе и обороте титула это – 1561 г. Впрочем, колебания в датировке заметны и в объёме изученных событий. Книга подробно охватывает только события 1558–1560 гг., но объём повествования заявлен с учётом всей войны от её начала до вступления в неё Великого княжества Литовского, Швеции и Дании. Вслед за критикой общепринятых датировок, звучащей в монографии неоднократно, следовало бы усомниться и в том, что «Тарвастский казус» (завоевание литовским войском 31 августа 1561 г. крепости Тарваст) стал последним событием Ливонской войны. В этом качестве столкновение московитов с литвинами 1561 г. ничем не отличается от

стычек под Вольмаром в 1560 г., а фактически осада отрядом М.Ю. Радзивилла Рыжего крепости Тарваст, занятой московской ратью в летне-осеннюю кампанию 1560 г., велась уже в условиях переговоров о разделе и переподчинении Ливонии и, таким образом, о вхождении Великого княжества Литовского в открытую войну против Московского государства¹.

В той краткой исторической перспективе, которая открывается в книге белгородского историка, убедительнее звучат призывы пересмотреть причины войны, объём требований сторон и баланс сил на всём её протяжении, а одновременно – и причины расширения круга её участников. Будучи специалистом и автором серии исследований и научно-популярных работ по истории российско-крымских отношений, Пенской намечает и немаловажный крымско-татарский «фон». Начало войны, вслед за многими исследователями, автор считает результатом дипломатической эскалации между Орденом и Москвой, а целью первых кампаний – давление на власти Ордена. Впрочем, в переговорах с Данией и Великим княжеством Литовским Иван IV настаивал на своих «извечных» правах на Юрьев с округой, а в восприятии князя Андрея Курбского и Ивана Грозного в переписке с Курбским первые войны против «немцев» были направлены не столько на захват крепостей, сколько на подрыв благосостояния Ордена. В идеологии для «внутреннего потребления», в книге почти не затронутой, война велась против иконоборцев-еретиков, т.е. явилась результатом противостояния православия с лютеранством.

Было бы преждевременно говорить о каком-то решительном преодолении мифов о событиях XVI в. или сломе научной традиции. Прежде всего потому, что источники для исследования о войне 1558–1561 гг.

рассмотрены автором под весьма специфическим углом зрения, далеко не всегда вызывающим согласие с источниковедческой позицией. Лишаются ли устойчивости выводы монографии?

В оценке дипломатических предпосылок войны Пенской обходит стороной значимые факты, без которых, на мой взгляд, невозможно понимание изучаемых событий. Отчасти причины тому — вальжный стиль изложения, призванный расширить аудиторию книги, и особое, становящееся своеобразной аналитической нормой, желание оперировать такими ненаучными понятиями, как «боевой дух» и «верность государю».

Предыстория войны содержит ряд спорных тезисов. Планы польско-литовской дипломатии в отношении степных юртов в канун Ливонской войны ещё недостаточно изучены, однако следовало бы обратить внимание на то, что вплоть до своей смерти Сигизмунд II Август поддерживал права Девлет-Гирея на Казань и Астрахань. Говоря о «литовских доброхотах» в Крыму (да ещё и «активно субсидируемых из Вильно») и «беглецах из Казани и Астрахани», автор как бы не замечает, что в канун решающего Казанского похода Ивана Грозного 1552 г. Казань неоднократно вела переговоры с Вильно, рассчитывая на помощь в войне против Москвы, а Девлет-Гирей совершил глубокий рейд в московские пределы в поддержку Казанского ханства (с. 24). В этом же ряду — ирония Вильно в отношении казанского, астраханского и сибирского царских титулов Ивана IV. Да и походы Девлет-Гирея и Стефана Батория на Москву сравнивать, как это делается в рецензируемой книге, некорректно, поскольку сравнение проводится между частями в единой системе: походы Крыма на Москву невозможно рассматривать вне договоренностей Крыма с Великим княжеством Литовским (даже в те годы, когда между Вильно и Москвой соблюдался мир).

Слова о Г. Шлитте как «шустром саксонце» поддерживают спорный историографический тезис о том, что Шлитте — авантюрист-проходимец, который притворялся представителем императора (с. 29, 254, примеч. 363). Вместе с тем этот «притворщик» был принят не только при имперском дворе и в Москве, но и выполнял поручения французского короля Генриха II в отношениях с Веной, Стамбулом и Москвой.

В целом убедительно звучит вывод о тяготящих московскую казну войнах 1550-х гг. против осколков Орды. Помогла бы Москве в решении финансовых трудно-

стей «Юрьевская дань» или открытие доступа стратегического сырья и «панцирей»? Если нет, если цель переговоров состояла в получении наиболее выгодных для Москвы условий сотрудничества, то почему на царя, И.М. Висковатого и А.Ф. Адашева не произвели впечатления обязательства ливонских послов накануне войны выплатить больше половины требуемой суммы «дани», платить ежегодную дань и даже остаться в заложниках в Москве, пока не будет получен новый наказ о возможном увеличении выплат?² Если да — то и войну следовало бы считать с первых же действий русских ратей рубежа 1557–1558 гг. неизбежной. Значимая проблема в связи с этим — отсутствие в монографии Пенского ссылок на переписку ливонских властей и герцога прусского. Уже в первые дни после нашествия московитов на Ливонию просьбы о военной поддержке понесли к бургомистру и ратманам Ревеля, Альбрехту Гогенцоллерну, Сигизмунду II Августу, Миколаю Радзивиллу Чёрному³. Круг потенциальных союзников был очерчен стремительно, и близкие к магистру по вере, взаимным обязательствам, родству и общему врагу получили оповещение о начале войны.

Терминологические тонкости в отличиях «демонстрации силы» от «полноценной войны» в январском походе 1558 г. происходят из московского дипломатического дискурса 1550-х гг. Эта точка зрения на конструирование предыстории войны объединила Н. Ангерманна, А.Л. Хорошкевича, Б.Н. Флорю, А.И. Филошкина, Д. Кёрби (интересно, какими научными причинами Пенской объяснил бы отсутствие первого и последнего из этих имён в списке рекомендуемой литературы, историографическом обзоре и ссылках)⁴.

Деликатность дипломатического момента в переговорах 1557 г. заслуживала бы отдельных, и немалых, рассуждений, которых в книге нет. А ведь речь идёт о нарушении принятого церемониала в самом факте приезда ливонских послов в Москву. К ним невозможно было, с точки зрения московских дипломатов, относиться как к равным, поскольку формирующаяся иерархия государств для Посольского приказа была определяющей. Ливонский орден должен был свои отношения с Москвой решать через новгородских наместников. И вот это, казалось бы, незначительное статусное несоответствие накладывает отпечаток на боевые действия российских ратей в январском походе 1558 г. Формально войну, причём полновесную, а не «демонстрационную», вела не Москва, а именно Новгородская земля и её союзники. А царь по своему усмотрению в любой момент мог сменить гнев на милость,

и может быть, даже прекратить боевые действия.

Ценны достижения автора на поприще подсчётов численности ратей в Ливонских войнах. В.В. Пенской — активный участник многолетней дискуссии, в которой неоднократно подвергались критике преувеличенные цифры, призванные подтвердить ужас «нашествия с Востока» бесчисленных «орд» московитов, татар и других диких и полудиких народов. Эти стереотипы старательно развеиваются исследователями, и прежде всего — на основании усреднённых данных именных списков боевых подразделений, разрядных записей, документации Государева двора. Так, исследователь пришёл к вероятному выводу, что подлинная численность войска в январском походе 1558 г. во главе с Шах-Али — всего «в сумме до 18 или около того тысяч людей во всём царском войске» (с. 46). Соответственно, из этой максимальной цифры получена и численность подразделений, решавших в походе частные задачи. Эти подсчёты не отменяют и справедливых наблюдений автора о жестокости и бесчеловечности боевых действий, которые велись обеими сторонами, даже если численность основных войск и диверсионных отрядов в источниках завышена.

Неубедительно как раз другое. Иной раз в монографии формулируются причинно-следственные связи, как если бы они вырывались на свободу из уз большой политики и предыстории, и оказывалось бы, что объяснение гораздо проще, чем пытаются доказывать историки. Например, решение Ивана Грозного перейти к полномасштабной войне вызвано тем, что терпение царя «иссякло» (с. 56), а капитуляция Нарвы в 1558 г. вызвана, по мнению исследователя, тем, что нарвские бюргеры мечтали сохранить себе жизнь и торговые прибыли и решили «перейти в подданство Ивану Грозному» (с. 57). Что такое «терпение» Ивана IV, и в какой мере оно участвовало в событиях Ливонской войны? Почему капитуляция разбомбленной и не получившей поддержки крепости означает, что её жители приняли решение о подданстве?

Было бы удивительно, учитывая упомянутую выше моральную шкалу автора, если бы творения князя Андрея Курбского, да ещё завершённые им уже после измены своему государю, вызвали у Пенского пропорциональное внимание. Князь, по словам автора, имел обыкновение «преувеличивать свою значимость» (с. 123). Это мнение вполне согласуется с тем, что автор монографии старательно обходит стороной новые издания его «Истории о князя великого московского де-

лех», не учитывая ни необходимых уточнений в прочтении самого текста (а в ряде случаев автор принимает за основу вторичные поздние чтения), ни уже существующих наблюдений за фактической точностью Курбского (выполненных в издании 2015 г. признанными самим же Пенским специалистами — О.А. Курбатовым и А.Н. Янушкевичем)⁵. Как именно «значимость» преувеличена, если Курбский говорит о ведении боевых действий совместно с другими воеводами, часто называя их поименно, почти всегда пишет о «своих» действиях во множественном числе, подразумевая совместную службу? И в чём был резон Курбскому преувеличивать, учитывая, что его «История» отвечала на упреки Первого послания Ивана Грозного и содержала свидетельства, которыми князь готов был отстаивать свою верную службу царю и православной республике в годы «начала царства»?

Два примера. Едкой иронией Пенской сопровождается слова Курбского о 12-тысячной рати на Вольмар под командованием Василия Барбашина в июле–августе 1560 г. Разряды говорят о трёх воеводах. Таким образом, вывод незамедлителен — «в ней вряд ли было больше 600 всадников» (с. 130). Курбский, по мнению исследователя, преувеличивает численность русского войска «не так бессовестно, как ливонцы» (с. 126). Но как именно? В повествовании князя Андрея Михайловича всё довольно логично — 40-тысячная рать выделяет из своих рядов 12-тысячный отряд для ведения мобильных боевых действий на подступах к крепости. Коллега по своим, остающимся загадочными, но внушительно формулируемым основаниям, предлагает считать это свидетельством бессовестным. Дальше в тексте появляется агентурная цифра «6 тыс.» новоприбывших свежих сил в Дерпте перед походом (с. 127). Её автор никак не критикует. Но если исходить из предлагаемой Пенским цифры «около 14–16 тыс., а то и больше» (с. 126) для всего состава русского войска перед походом на Феллин, то всё сказанное о «бессовестном преувеличении» оказывается результатом приблизительных подсчётов (что вполне применимо к столь частому в книге критерию «совести»). При этом «баснословная» численность мобильного отряда вполне уместается даже в приблизительную цифру нашего современника. Ещё пример. Автор оценивает сведения Курбского об одержанных им над магистром «семи или восьми победах» как малодостоверные, полагая, что названные события происходили ещё до осады Феллина, и сомневается в участии Г. Кеттлера в битвах.

Это не убеждает: «История» недвусмысленно говорит о том, что осада уже началась, и диверсионные действия русских отрядов в Ливонии, включая и полк Курбского, были направлены на подрыв коммуникаций и сдерживание подкреплений, спешащих на помощь крепости. Этот вывод следует и из слов о «возвращении» полка Курбского из маршей под Феллин, и из подробных сообщений «Истории» о пленении Ф. Шалля фон Белля, которое произошло 2 августа 1560 г.

Остановим эту дискуссию, ей ещё предстоит перенестись в специальные издания и дробные интерпретации. Книга В.В. Пенского выполняет свою ценную для науки миссию — содержит то будоражащее мысль начало, без которого невозможно представить прогресс в исследованиях. Поспешны или неубедительны те или иные утверждения, но в целом справедливо мнение исследователя, согласно которому война за «ливонское наследство» затягивала узел противоречий, который не дано было разрешить ни объединению Великого княжества Литовского с Коронай Польской, ни московской Смуте, ни Тридцатилетней войне. Новая книга открыла весьма важные и не вполне ясные аспекты войны, которой предстояло столкнуться между собой все круп-

нейшие государства Центральной, Северной и Восточной Европы и немало повлиять на степную политику.

Примечания

¹ Об этом см.: *Ferenc M. Mikolaj Radziwill «Rudy»* (ок. 1515–1584): *Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków, 2008. S. 211–232 (здесь же обширная библиография вопроса).

² *Граля И. Иван Михайлов Висковатый: карьера государственного деятеля в России XVI в.* М., 1994. С. 217–218.

³ *Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562* / hrsg. von F. Bienemann. Bd. II: 1557–1559. Riga, 1867. S. 47–48; *Elementa ad fontium editiones. LXVIII: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia. XXXV Pars* / Eds. C. Lanckorońska, L. Olech. Romae, 1988. P. 104–105.

⁴ *Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs*. Marburg; Lahn, 1972. S. 1–24; *Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World 1492–1772*. L.; N.Y., 1990. P. 107–112.

⁵ *Курбский А.М. История о делах великого князя московского* / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев; отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. С. 594–634.